

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005.

Мокиенко В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб.: Авалонь, Азбука-классика, 2008.

Насыбулина А.В. Загадка // Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: колл. монография / науч. ред. проф. Т.Г. Никитина. Псков: ПГПУ, 2008.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.

Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Е.И. Перехватова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
университет
kejt9@mail.ru

Одна из трудностей, связанная с прагматической интерпретацией семантики фразеологических единиц (ФЕ), связана с тем, что фразеологическое значение представляет не только элементы этнокультурного сознания человека, но и является частью индивидуального сознания, кодирующего знания об объективной реальности совместно с выражаемыми им переживаниями и субъективными значениями. Согласно Н.Ф. Алефиренко «отражательно-репрезентативные функции фразеологической семантики вызваны к жизни потребностями переосмысления и вторичной языковой объективации ранее познанного. В результате такого переосмысления происходит семантическое преобразование языковых единиц, обозначающих переосмысляемые явления окружающего мира» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 32). В силу этого мы исходим из положения о том, что фразаема – когнитивно-креативный продукт дискурсивной деятельности человека, важнейший элемент экспрессивно-образной зоны языкового сознания человека. Поэтому фразеологический смысл – результат привнесения в фразему коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию обозначаемой ситуации (Алефиренко Н.Ф., 2008:

42). В этой связи отметим, что смысловое пространство ФЕ отражает синергетический процесс возникновения новой смыслоотражающей структуры, которая имплицитно и системно репрезентирует в новой конфигурации уже имеющиеся понятия национального языка. Специфика фразеологического значения, таким образом, заключается в том, что в нем человеческий опыт концептуализируется в форме образных когнитивных структур, представляющих собой схемы кодирования, хранения в сознании человека знаний, полученных в результате познания действительности, схемы когнитивной упаковки смыслового содержания, представляемого знаковыми единицами естественного языка (Алефиренко Н.Ф., 2009: 301).

Фрейм наиболее типичная для фразеологической семантики когнитивная структура потому, что знания в ней «организованы вокруг некоторого концепта, но в противоположность простому набору ассоциаций содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» (Демьянков В.З., 1980: 340). Фреймы, если выходить из их понимания Ч. Филлмором, представляют собой пакеты информации, хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере необходимости из содержащихся в памяти компонентов, которые обеспечивают обработку стандартных ситуаций (Филлмор Ч., 1988: 75). Поэтому ФЕ, функционирующие в коммуникативном контексте, взятые в отдельности, не являются достаточными для интерпретации их значения. Процесс понимания смыслового содержания ФЕ сводится прежде всего к попытке найти в языковой памяти знания о ситуации, имевшей место в прошлом и наиболее сходной с новой. Ср.: *Ну чего вот сдуру сиротой казанской прикинулся?* (Шукшин, с. 43). Фразеологизм *сирота казанская* – ‘человек, прикидывающийся несчастным, обиженным, чтобы разжалобить кого-либо’ – аккумулирует в себе большой культурологический опыт: первоначально так говорилось о татарских мирзах (князьях), старавшихся после покорения казанского царства русскими (во времена Ивана Грозного) получить от русских царей всевозможные поблажки, жалуюсь на свою горькую участь. Как видим, смысл ФЕ формируется на основе сложившихся пресуппозиций, соотносимых с характерными для данного социума стереотипами речевого поведения.

Фреймовый анализ семантики ФЕ позволяет исследовать взаимодействие фразеологических значений и структур знания, семантического и мыслительного пространства языка. Этот метод исследова-

ния ФЕ открывает возможность моделировать процессы структурирования значений фразем, эксплицировать способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание фразем в конкретном коммуникативном акте (Алефиренко Н.Ф., 2008: 135). Как отмечает ван Дейк, «как бы ни была велика роль анализа коммуникативного контекста, не вызывает никакого сомнения тот факт, что окончательное восприятие того или иного высказывания как вполне определенного речевого акта, должно основываться именно на анализе самого высказывания» (Дейк ван Т.А., 1989: 31). Иными словами, в структуре фразеологического значения содержатся те компоненты, которые помогают идентифицировать коммуникативные интенции автора, т.е. его намерение, замысел и шире – внутренний мир (Маслова А.Ю., 2008: 42).

Фрейм обеспечивает понимание не только фразеологического значения, но и соответствующей коммуникативно-прагматической ситуации, так как представляет собой совокупность знаний о первичном и вторичном денотате ФЕ и способах их вербализации в процессе коммуникации. Фразеологическое значение в этом случае приобретает полевою организацию: его ядро соотносится с концептом, а периферия – с фреймом. Соотносимое с концептом ядро фразеологического значения представляет собой его интенционал, а соотносимая с фреймом периферия – импликационал (Алефиренко Н.Ф., 2006: 22). Ср.: *Бронька роняет голову на грудь, долго молча плачет, оскалился, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой* (Шукшин, с. 34). Так, ядром значения идиомы *скрипеть зубами* выступает концепт «Злость», обобщенно представляющий вторичную денотативную структуру. С первичным денотатом генетическими узлами связан импликационал «выразить мучения», так как фразеологизм *скрипеть зубами* – ‘выразить яростную злобу’ – в лексическом аспекте восходит к словам Иисуса Христа (в синодальном переводе): *сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов*. В евангельском тексте *скрежет зубов* – ‘зубовный скрежет от адских мук’. Таким образом, источником данного фразеологического значения и выражаемых им коннотаций являются две денотативные ситуации: а) «зубовный скрежет от адских мук» и б) «выразить яростную злобу». На базе первой денотативной ситуации, выражающей фразеологические коннотации первой степени, в результате ассоциативно-образного мышления формируется импликационал, выражающий фразеологические коннотации второй степени. С коммуникативно-

прагматической точки зрения говорящий при выборе идиомы опирается на концепт, передающий основной смысл (интенционал) коммуникативного акта.

Итак, фразеологическое значение когнитивно обусловлено фреймовой структурой. Фреймовая структура понимается нами как, во-первых, иерархически организованная структура данных, которая представляет собой в семантике фраземы знания о какой-то стереотипной ситуации, во-вторых, как когнитивная структура, представляющая во фраземе знания в их динамике и содержащая как общие, постоянные данные о ситуации, так и данные вариативные (Алефиренко Н.Ф., 2008: 83). Фреймовая структура состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в два уровня. Верхние уровни фрейм-структуры содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты (элементарные смысловые ячейки фрейма, которые заполняются конкретными семами в процессе формирования значения знака), характеризуются речевой зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами (Алефиренко Н.Ф., 2006: 23). Так, например, фрейм «выражать злость» содержит в своей структуре следующие слоты: а) *источник* – указание на причину выражаемой враждебности, злости, б) *событие* – указание на сам процесс и характеристики данного эмоционального состояния и в) *следствие* – указание на то, как отразилось это состояние на том, кто его испытывает, и на окружающих. В конкретной коммуникативно-прагматической ситуации они получают разное выражение: «*Максим стиснул зубы... Вьелся горячим взглядом в попа*» (Шукшин, с. 60); «*Оба, поп и Максим, плясали с такой какой-то злостью, с таким остервенением, что не казалось и странным, что они – пляшут. Тут – или плясать, или уж рвать на груди рубаху и плакать, и скрипеть зубами*» (Шукшин, с. 63); «*Это называется – «покатил бочку», – сказал кандидат. – Ты что, с цепи сорвался?*» (Шукшин с. 69); «*Да где же с той-то?! Где с той-то? – Он опять стал терять терпение. – Я же шумел вас, звал!.. Я ее кругом всю обошел, скирду-то*» (Шукшин, с. 92); «*Алеша и тут не уступил ни на волос: в субботу только баня. Все. Гори все синим огнем! Пропади все пропадом!* «*Что мне, душу свою на куски порезать?!*» – кричал тогда Алеша не своим голосом. И это испугало Таисью, жену. Дело в том, что старший брат Алеша, Иван, вот так-

то застрелился. А довела тоже жена родная: тоже чего-то ругались, ругались, до того доругались, что брат Иван стал биться головой об стенку...» (Шукшин, с. 134). Как видим, один фрейм может иметь различные языковые выражения в зависимости от коммуникативно-прагматической ситуации, т.е. представляет собой определенную *модель ситуации*, в которой актуализируются те или иные слоты в зависимости от коммуникативного акта.

Формирование значения ФЕ и их речевая реализация обусловлены специфическими когнитивными контекстами – когнитивными структурами или блоками знания, которые стоят за формированием фразеологического значения и обеспечивают их адекватное употребление и понимание. Такие контексты Дж. Лакофф называет ментальными пространствами (Лакофф Дж., 1988). Действительно, формирование и функционирование смыслового содержания ФЕ происходит тогда, когда «этноязыковому сознанию открывается его мотивация, когда новый объект фразеологического обозначения ассоциируется с рядом других объектов, т.е. подводится под известную категорию однородных объектов» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 137). Данный процесс основывается на том, что при вербализации смысловой структуры ФЕ происходит преобразование первичной мысли в когнитивные структуры различных конфигураций, которые в данной этнокультуре имеют особое ценностно-смысловое содержание.

Фразеологическое значение формируется на базе различных когнитивных структур, выбор которых определяется типом дискурсивного мышления, имеющего социокультурную основу. На формулирующем этапе смысловой структуры ФЕ на отобранную когнитивную структуру накладывается структура из сферы языкового сознания, так называемая вербальная сеть (Алефиренко Н.Ф., 2009: 257). Эта сеть интегрирует в себе как когнитивные, так и дискурсивные структуры. В результате взаимодействия этих двух структур первичные смыслы и вербализующие их словесные конфигурации способны видоизменяться. Ср.: «*Дураки вы все, вот што!.. Небойсь, прижали хвосты, а я вот нисколько не боюсь родителя... На волос не боюсь и все приму на себя*» (Мамин-Сибиряк Д.Н., с. 22). Как видим, словесные структуры 'быть испуганным, бояться чего-либо' и 'нисколько не бояться' благодаря ассоциативному мышлению вербализуются новыми структурами, которые образно и экспрессивно формируют в языковом сознании

представление о состоянии страха и бесстрашия, что позволяет наиболее ярко выразить авторские интенции. Из этого следует, что использование той или иной вербально-ассоциативной структуры зависит от коммуникативно-прагматической ситуации.

Процесс фразеомобразования осуществляется на базе метонимической и метафорической когнитивных моделей. Ср.: *«Вот ужю воротится отец с промыслов и голову снимет!.. Разразит он всех... Ох, смертынька пришла!..»* (Мамин-Сибиряк Д.Н., с. 21). Действие, обозначаемое фраземой **голову снимет** – ‘делать строгий выговор, бранить’, составляет категорию, которую можно представить в виде фразеологического фрейма, построенного по типу метонимической когнитивной модели. В этом случае осуществляется перенос свойств с центрального, прототипического, члена категории на остальные в пределах одного фрейма: ‘ругать, бранить’, ‘выражать негодование’, ‘бить’ и др. Однако в нашем примере в соответствии с авторской интенцией актуализируется сема ‘бить’. М е т а ф о р и ч е с к а я когнитивная модель фразеологического фрейма структурирует два ментальных пространства – когнитивную модель пространства-источника и пространства-цели. Например: *«Я в этой квартире с ума сойду! Болик, ты слышал? Из-за чего, собственно, человек с катушек слетел? Ну, закрыли твою лабораторию – найди себе другое дело! Я сначала джинсами торговал, потом водкой ... Сейчас вот страховым бизнесом занимаюсь»* (Ю. Поляков, с. 65). Как видим, в метафорическом построении фраземы **с катушек слететь** – ‘потерять самообладание’ – когнитивная модель пространства-источника «что-либо, что наматывается на стержень, соскочило с него, потеряв привычную форму» переносится в пространство-цель «человек, потерявший самообладание». Так происходит мысленное объединение объектов, явлений, процессов на основе какого-либо общего для них сходства, подмеченного человеком.

Итак, смысловая структура ФЕ, различные варианты разворачивания её замысла в вербальные структуры отражает многообразие фреймовой организации коммуникативно-прагматических стереотипов, служащих средством самовыражения этноязыковой личности не только как типичного представителя своего культурно-языкового общества, но и как субъекта речемыслительной деятельности, отбирающего в соответствии со своими коммуникативными интенциями те или иные языковые средства.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Коннотация и прагматика «языка культуры» // Славянские языки в свете культуры. М.: А Темп, 2006.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009.

Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 259–336.

Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. Т. 39. 1980. № 4. С. 336–346.

Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта: Наука, 2008.

Lakoff J. Cognitive semantics // Meaning and mental representations. Bloomington, 1988. P. 78–106.

Fillmore Ch. The case for case // Universals in linguistic theory. New York, 1968. P. 1–88.

Источники

Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото: Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1985.

Поляков Ю.М. Россия в откате: Пьесы, публицистика. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2004.

Шукшин В.М. Избранное. М.: Просвещение, 1992.